

ИМАГОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/24099554/18/11

ИМАЖИНАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ А.Т. БОЛОТОВА)

Сергей Сергеевич Жданов^{1, 2}

¹ *Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

^{1, 2} *fstud2008@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается имагинально-географическое пространство Восточной Пруссии в мемуарах А.Т. Болотова, где Кенигсберг выделен в качестве пространственного центра, по отношению к которому иные локусы (городов, деревень, природы) периферийны. Установлена связь как центрального, так и периферийных локальных вариантов с двумя типами пространства – авантюрно-мортальным и идиллическим. В образе прусской столицы выделены также черты города увеселений, исторического локуса и «инициирующего» места познания.

Ключевые слова: А.Т. Болотов, имагинальное пространство, граница, Германия, Восточная Пруссия, Кенигсберг, мемуары, русская литература

Для цитирования: Жданов С.С. Имагинально-географическое пространство Восточной Пруссии (на материале мемуаров А.Т. Болотова) // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 211–244. doi: 10.17223/24099554/18/11

Original article

doi: 10.17223/24099554/18/11

IMAGINAL-GEOGRAPHIC SPACE OF EAST PRUSSIA (BASED ON ANDREY BOLOTOV'S MEMOIRS)

Sergey S. Zhdanov^{1, 2}

¹ *Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation*

^{1, 2} *fstud2008@yandex.ru*

Abstract. The article deals with various types of the imaginal-geographic space of East Prussia, represented in Andrey Bolotov's memoirs *Andrey Bolotov's Life and Adventures, Written by Himself for His Descendants*. These space types are structured according to their relations with the elements of the oppositions "center – periphery" and "adventurous-mortal – idyllic." The center of the "Prussian" space in the text is Königsberg with its surrounding grounds, and the periphery is the rest of the East Prussian loci – natural, deminatural-rural and urbanistic. In this logic, both peripheral and central local images can be connected with the adventurous-mortal and the idyllic space, though to a different extent, which makes the "Prussian" space images of the memoirs ambivalent. The adventurous-mortal space consists of the loci of war (enemy border, battle field, ravaged villages and towns, etc.) as well as territories connected with the narrator's leaving the center (sailing far, going to a secret mission, traveling home through the Curonian Lagoon), which actualizes motifs of danger, doom, mischief, death. The adventurous and mortal features are essentially "softer" in the frames of Königsberg. Firstly, the unrest of Bolotov's life in the Prussian capital is connected with the danger of coming back against his will to the space of war, which can result in death, mutilation, etc. Secondly, there are some spaces in the city that can cause his spiritual death. On the one hand, these are "tavern" loci connected with motifs of venal love, excessive drinking, gambling games. On the other hand, the potential danger can come from the University of Königsberg and some books in local bookstalls. This danger is connected with the motif of a "wrong" philosophy that leads to libertinism and atheism. Finally, the "softest" danger can come from the inconvenient space (uninhabited, almost scary storage blocks as well as medieval buildings negatively marked with motifs of narrowness, darkness, crookedness of streets and bad smells from the dropped litter). The idyllic spaces are some loci of Prussian villages and towns untouched by the war and characterized with motifs of peaceful life, abundance, order, cosiness, petite-

ness, and a high density of population. The point of the concentrated idyll in Bolotov's text is Königsberg as the center of the "Prussian" chronotope. The descriptions of Königsberg actualize the motifs of visual beauty, order, cosiness, abundance and splendor, but at the same time of some harmonic avoidance of extremes. In addition, the image of the Prussian capital contains features of a city of gaieties, the historical locus and the "initiating" place of knowledge.

Keywords: Andrey Bolotov, imaginal space, border, Germany, East Prussia, Königsberg, memoirs, Russian literature

For citation: Zhdanov, S.S. (2022) Imaginal-geographic space of East Prussia (based on Andrey Bolotov's memoirs). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 18. pp. 211–244. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/18/11

Мемуары А.Т. Болотова «Жизнь и приключения Андрея Болотова: описанные самим им для своих потомков» в последнее время привлекают все большее внимание отечественных филологов. Причем аспекты исследования весьма разнообразны: и история создания текста [1], и анализ произведения в качестве источника сведений о провинциальной России [2] и русской армии [3] описываемого периода, и тема литературного пейзажа, представленного в мемуарах [4].

Еще одним вопросом, привлекающим внимание литературоведов, выступает локус Пруссии, описываемый А.Т. Болотовым в связи с его участием в событиях Семилетней войны. Отечественные исследователи Е.Э. Овчарова [5], А.А. Пауткин [6] сосредоточивают свое внимание на кенигсбергском периоде жизни автора мемуаров. В. Шмидт в работе, опубликованной в конце прошлого века [7], рассматривает больший хронотоп, охватывающий всю Восточную Пруссию, представленную в тексте. Во всех трех вышеупомянутых работах «пруссский» фрагмент анализируется обобщенно, и его пространственная составляющая является лишь одной из множества тем. Кроме того, исследование В. Шмидта отличается некой описательностью, что объясняется задачей познакомить немецкоязычную аудиторию с текстом малоизвестного ей русского автора. Таким образом, имагинально-географическое пространство Восточной Пруссии в мемуарах А.Т. Болотова не выступало еще в качестве отдельного объекта литературоведческого исследования, и целью нашей работы является выделение и характеристика основных черт данного локуса.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу имагинально-географического пространства Восточной Пруссии в болотовском тексте, сделаем пару замечаний относительно литературного контекста данного произведения, позволяющего указать на важные особенности в изображении автором данного локуса. Как указывают А.В. Антюхов и С.Ю. Антюхова, «сущностную основу» хронотопа русской мемуаристики XVIII столетия определяют «два типа биографического самосознания» авторов: «авантюрно-героический с его ориентацией на публичную внешность человека и социально-бытовой с его интимно-камерным аспектом» [8. С. 60]. В этом аспекте «пруссские» фрагменты болотовских мемуаров представляют собой нечто амбивалентное: с одной стороны, мы имеем дело со свидетельством участника Семилетней войны, что актуализирует авантюрно-героический хронотоп, но с другой – эта авантюристность оказывается значительно смягчена, поскольку о большинстве событий, которые А.Т. Болотов не наблюдал непосредственно, он сообщает в несколько отстраненной манере хрониста, а его личный военный опыт в основном относится к бытовой сфере армейской службы, включая изображение анекдотических ситуаций. Кроме того, значительную часть кампании молодой А.Т. Болотов проводит не на полях сражения, а в захваченном Кенигсберге при канцелярии губернатора, занимаясь переводами, танцами, чтением книг, естественнонаучными кунштшюками и прочими мирными занятиями, по сути, перемещаясь из героического в «камерный» социально-бытовой топос.

Еще одним ракурсом связи мемуаров А.Т. Болотова с литературной традицией его времени выступает сравнение болотовского текста с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина, что неизбежно, поскольку время начала оформления «Жизни и приключений Андрея Болотова...» и публикации «Писем» примерно совпадают. На аналогии в карамзинском и болотовском текстах указывает, в частности, А.А. Пауткин, отмечая также, что «...кенигсбергские страницы [в мемуарах А.Т. Болотова. – *Авт.*] несут на себе следы воздействия литературы рубежа XVIII–XIX вв.» [6. С. 58]. Как и у Н.М. Карамзина, героем болотовских писем выступает «восторженный, тонко чувствующий молодой человек» [6. С. 59]. Сходно с карамзинскими и описание А.Т. Болотовым демиприродных, идиллических по своей природе, локусов деревни, городских окрестностей и садов.

В то же время между карамзинским и болотовским текстами существуют определенные различия. Первое, что бросается в глаза, – это стиль изложения, который у А.Т. Болотова никогда фактически не достигает той степени экзальтации и риторических изысков, которые свойственны аналогичным «немецким» фрагментам «Писем» Н.М. Карамзина. Не встречаем в болотовском тексте и пространных описаний средневековых немецких локусов в духе предромантизма, характерных для карамзинского текста [9]. В целом описания Восточной Пруссии у А.Т. Болотова более сухи, рационалистичны¹, чем изображение Германии у Н.М. Карамзина. Таким образом, в болотовском тексте ощущается и частичное сходство с досентименталистским просветительским модусом.

Переходя к описанию структуры имагинально-географического пространства Восточной Пруссии, отметим прежде всего, что ее однозначный ценностно-смысловой центр в болотовском тексте образует город Кенигсберг, по отношению к которому остальные локусы играют роль периферии, что неизбежно ставит А.Т. Болотова как героя мемуаров в ситуацию пересечения границ. Причем, по сути, путешествие в Кенигсберг начинается для нарратора задолго до пространственно-временной точки входа героя в непосредственное пространство Пруссии. Этому событию предшествует целый ряд переходов, подготавливающих к попаданию автора мемуаров в Кенигсберг, ставший местом своеобразной «инициации» нарратора.

Причем провиденциалистский аспект этого путешествия-инициации задан в тексте эксплицитно. Нарратор рассматривает свою жизнь как находящуюся в руках Провидения, а свободу воли – как возможность следовать душеспасительному пути. В момент пересечения границы с Пруссией А.Т. Болотов описывает охватившее русское войско «особливое чувство»: «Благослови, Господи <...> теперь дошли мы наконец до прусской земли! Кому-то Бог велит благополучно из нее вытти и кому-то назначено положить в ней свою голову!» [10. Т. 1. С. 466]. Попадание же в Кенигсберг нарратор расценивает как знак личного благоволения небес:

¹ Так, по замечанию В. Шмидта, болотовский Кенигсберг представляет собой «очень точное топографическое описание» города [7. S. 199] (пер. с нем. наш. – С.Ж.).

«...произошло то не по слепому случаю, что я тогда приехал в Кенигсберг, но промыслу Господню угодно было... привести меня в сей прусский город, дабы я, живучи тут, имел случай узнать сам себя и короче, все на свете, и мог чрез то приготовиться к той мирной, спокойной и благополучной жизни, какою Небу угодно было меня благословить в последующее потом время...» [10. Т. 1. С. 672–673]. Таким образом, путешествие А.Т. Болотова в Восточную Пруссию приобретает в том числе огласовку паломничества, хождения в святую землю во спасение души.

Сложное сочетание свободного волеизъявления и вынужденности, насильственности, согласно Г.А. Тиме, вообще свойственно феномену русского путешествия в Европу, аккумулирующего, «на первый взгляд, противоречивое сочетание ощущений: изгнание и убежище, чужбина и пристанище свободно мыслящего человека, смертельная опасность и возможность спасения» [11. С. 5]. Болотовское путешествие в Кенигсберг, растянутое во времени и пространстве, тоже амбивалентно. С одной стороны, по распоряжению отца А.Т. Болотов в детстве неохотно, из-под палки осваивает азы немецкого под руководством германского унтер-офицера, с другой стороны, мирное продолжение обучения в Курляндии¹ на мызе Пац, по признанию самого автора мемуаров, значительно улучшило его знание немецкого, вызвало сильную перемену в его «натуре и поведении» и заложило «...столько начатков к хорошему, что плоды проистекли из того на всю жизнь...» [10. Т. 1. С. 81]. В Восточную Пруссию А.Т. Болотов попадает вынужденно, не имея права покинуть службу и участвуя в качестве офицера в Семилетней войне, но случай, знание немецкого языка и упорство помогают ему остаться в Кенигсберге, месте «инициации», где «...приобрел обширнейшие интересы и навыки, развитые им в полной мере в течение своей про-

¹ В этом смысле связанные с немецкостью хронотопы Курляндии и Эстляндии есть медиационные локусы, служащие проводниками в пространство Восточной Пруссии и собственно Кенигсберга. При этом на лиминальный случай индивидуального пути А.Т. Болотова проецируется ситуация «семиотического полиглотизма» [6. С. 53], характерная для отечественной культуры того времени, когда рецепция немецкости (а затем и французскости) как приобщения к европейскости становится фактически обязательной для русской элиты.

должительной дальнейшей жизни, наполненной неустанным трудом на пользу своей семьи и российского общества» [5. С. 414]. Наконец, появление манифеста о вольности дворянства, ставшего основой свободных путешествий русских дворян, позволило А.Т. Болотову, наоборот, вернуться из Кенигсберга в Россию.

Охарактеризовав структуру пространства Восточной Пруссии в целом, перейдем к описанию отдельных локальных вариантов «прусской» имажинально-географической периферии, отметив предварительно, что каждый из них так или иначе связан с мотивом опасности.

Первый тип изображения восточнопрусского пространства связан с участием А.Т. Болотова в военном походе. При этом описание локусов амбивалентно. С одной стороны, Восточная Пруссия маркируется как территория противника с соответствующими мотивами тревоги, страха при попадании в это пространство: «страшная нам прусская пограничная крепость Мемель» [10. Т. 1. С. 456], «излишние предосторожности» [10. Т. 1. С. 459] при организации лагеря в «польском местечке Вербалову», «которое было самое почти последнее до прусской земли» [10. Т. 1. С. 458]. В момент вступления в «неприятельскую землю» войско охватывает «особливое чувствование» [10. Т. 1. С. 466], в котором сливаются экзистенциальные переживания смертности, а также неуправляемости собственной судьбой в рамках авантюрного хронотопа. Тут мы имеем дело с антиципацией Чужого как нечто опасно-непонятного, но в дальнейшем при реальном столкновении с пруссаками, т.е. в пограничном пространстве непосредственного взаимодействия с Чужим, этот страх существенно редуцируется, ему на смену приходит стремление к утверждению себя в пространстве, к доказательству того, что русские воины ничем не хуже хваленых пруссаков («...храбрость оных превозноσιма была тогда до небес, и описываема была нам уже слишком величайшею, <...> хотя в самом деле силы его [неприятеля. – *Авт.*] далеко были не таковы страшны» [10. Т. 1. С. 456]).

При этом Семилетняя война в болотовском тексте, хотя автор и осуждает ее ужасы и ожесточение сторон, рассматривается им как приобщение к европейскости, как вхождение России в геополитическое пространство Европы. Эта интенция доказать, что мы Европа, а не Азия, примечательным образом проявляется в возникающем противопоставлении регулярных войск, возглавляемых как русскими,

так и иностранными офицерами, казакам и калмыкам, которые маркируются как варвары, т.е. выводятся за семиотические границы регулярных русских войск, старающихся придерживаться конвенциональных правил, действующих в рамках «цивилизованных», европейских войн: «Они <...> покрыли нас стыдом и бесславием передо всем светом, ибо слух о сих разорениях и варварствах рассеялся тотчас повсюду, и везде стали почитать нас сущими варварами»¹ [10. Т. 1. С. 465]; «...поступки наших казаков и калмыков по истине приносили нам мало чести, ибо все европейские народы, услышав о таковых варварствах, стали и обо всей нашей армии думать, что она таковая же» [10. Т. 1. С. 477]. Впрочем, автор мемуаров также показывает размытость этой границы между цивилизацией и варварством, Западом и Востоком, поскольку европейцы во время войны также разоряют земли противника: «...самые саксонцы, сии лучшие и порядочнейшие солдаты, сделались... варварами и совсем на себя были не похожи. Им досталось квартировать в Шарлоттенбурге, <...> славном по-королевскому увеселительному дворцу <...> Они с лютостью и зверством напали на дворец сей и разломали все, что ни попалося им на глаза <...> мужчины избиты и изранены саблями, женщины и девки изнасилованы, и некоторые из мужчин до того были избиты и изранены, что испустили дух при глазах своих мучителей» [10. Т. 2. С. 26].

Данный авантюрно-мортальный хронотоп войны, который мы далее не рассматриваем ввиду крайне малой его маркированности немецкостью, накладывается, однако, на вполне мирные, чуть ли не идиллические немецкие локусы, примерами описаний которых полны русские травелоги конца XVIII – начала XIX вв. Это упорядоченное, освоенное пространство, причем степень упорядоченности немецких земель выше, чем, например, польских²: «Мы нашли места

¹ Впрочем, оценки А.Т. Болотова тех же казаков вовсе неоднозначны. В частности, автор отмечает, что варварство противника преувеличивалось пруссаками с целью очернить противника: «...за казаков наших поручиться никому не можно. Однако и то правда, что никто так бесстыдно не умел лгать, как пруссаки, и что им уже не в диковинку было сплетать иногда сущие лжи или, по крайней мере, из каждой мухи делать слона» [10. Т. 1. С. 774].

² Это сравнение не в пользу Польши встречается и дальше в тексте: «...мы... вошли в пределы, так называемой, Польской Пруссии... Эту землю нашли мы

сего королевства совсем отменными от польских. Тут господствовал уже во всем иной порядок...» [10. Т. 1. С. 466]; «...какую восхитительную перемену увидел я во всем, въехав в пределы королевства Прусского» [10. Т. 1. С. 638]. С упорядоченностью в рамках рустикальных локусов связаны также мотивы чистоты, удобства, уюта, изобилия¹ как человекосоразмерные характеристики: «...деревни были чистые, расположены и построены изрядным образом, дороги повсюду хорошие...» [10. Т. 1. С. 466]; «изобильные прусские деревни» [10. Т. 1. С. 490], «множество деревень», которыми «усеяны» поля» [10. Т. 1. С. 638]. Те же свойства подчеркнуты в описании деревенских домов: «...какие же дома, какие строения и какой порядок виден был повсюду! <...> У каждого мужика был такой домик, какого у нас не имеют и многие дворяне, а особливо из бедных. ...все было опрятное, уютное, все покрытое снопами и все в порядке» [10. Т. 1. С. 638].

Неудивительно, что эти идиллические не разоренные локусы мира вызывают у русских совершенно противоположные чувства, чем морально-авантюрное военное пространство, маркируясь мотивом дружелюбия («...казалось тогда, что мы не в неприятельскую, а в дружескую вошли землю»), что усиливается отношением местного населения: «...как тогда не делано еще было никакого разорения, то все жители находились в своих домах, и не боясь ни мало нас стояли все пред своими домами, а бабы и девки наполняли ушаты свежей воды и поили солдат мимоидущих» [10. Т. 1. С. 466]. Это также пространство эстетического любования, подобного созерцанию идиллической Саксонии в карамзинском тексте: «...на все без особенного удовольствия смотреть было не можно» [10. Т. 1. С. 466]; «Истинно не можно было нам довольно налюбоваться» [10. Т. 1. С. 638].

весьма отменно от прусской: все жители были... несравненно беднее и хуже прусских. Что ж касается до городов и местечек, то они были довольно изрядные, однако далеко не таковы хорони, как прусские <...> дороги были несравненно хуже нежели в Пруссии...» [10. Т. 1. С. 642–643].

¹ Однако изобилие тоже может быть смертельным. Как пишет А.Т. Болотов, на прусских огородах русские солдаты нашли много поспевающего картофеля, о котором «...до того и понятия не имели» [10. Т. 1. С. 489]; неумеренное потребление нового продукта в итоге вызвало болезни и смерть нескольких сот человек.

Маркерами освоенности человеком прусского пространства выступают также традиционные при описании немецких локусов мотивы плотности населения («Не было места, с которого б не видно было вокруг деревень до десяти») и миниатюрности немецких локусов («небольшие» деревни [10. Т. 1. С. 638]). Мотивы миниатюрности¹ (в том числе за счет использования уменьшительно-ласкательных суффиксов), упорядоченности², чистоты, многонаселенности, довольства, уюта характерны и для описания урбанистических локусов: «Городок сей [Инстербург. – С.Ж.] хотя не гораздо велик, но довольно хорош. Строение в ней каменное, высокое и довольно прибростое» [10. Т. 1. С. 478]; «...он [Тильзит. – С.Ж.] был весьма изрядный городок <...> Строение в нем было изрядное: каменное и деревянное, и жителей находилось довольно количество, и между оными было довольно зажиточных» [10. Т. 1. С. 586]; «...я нашел и городок сей [Гумбин. – С.Ж.] весь порядочно и по плану выстроенным; <...> не было в нем слишком богатых и великолепных домов, но зато повсюду господствовал порядок и везде видна была чистота и опрятность. Улицы повсюду были широкие и прямые; площади на перекрестках просторные, а домики... хотя не большие, но прекрасные, уютные, покойные и на большую часть раскрашенные разными красками <...> прекрасный городок наполнен был множеством ма-

¹ Отметим особо характерную метонимию, когда немецкий правитель маленького владения сам называется маленьким. Так, в журнале путешествия В.Н. Зиновьева «маленьким» обозначается кассельский князь [12. С. 349]. А.Т. Болотов же описывает «образ жизни маленьких германских удельных князей» на примере «бискупа эрмландского» [10. Т. 1. С. 641]. Мотив миниатюрности пронизывает это описание: «Жил он тут как маленький государь: имел у себя несколько военных людей...; были у него также пушки и придворный маленький штат, <...> но все сие в сущей миниатюре пред большими государями» [10. Т. 1. С. 641].

² Прусская упорядоченность проявляется в небывалой для русского офицера точности поставок фуража: «...не мог... надивиться исправности прусского правительства, ибо по всем местам, где нам по расписанию назначено было иттить, находили мы уже все заготовленное. Был везде готов не только провиант и фураж, но навезены со сторон всякие нужные съестные припасы для продажи войску. Что касается до сена, <...> не было нужды его вешать: ...оно было перевязано в пуки, по десяти фунтов; итак, стоило только отсчитывать оные...» [10. Т. 1. С. 642].

стеровых всякого рода ремесленных людей и может похвастаться наилучшим из всех прусских маленьких городков» [10. Т. 1. С. 639]; «...через прусские местечки <...> поход... был прямо веселый и приятный. Места сии были хорошие и всем изобильные <...> Оба [местечка Шипенбейль и Бартенштейн. – С.Ж.], хотя старинные и не по плану построенные, однако весьма изрядные, имеющие в себе прекрасные и уютные домики и хорошие ратуши, а в последнем из них – старинный разоренный замок» [10. Т. 1. С. 640–641].

Как видим из этих описаний, в выборе городских объектов описания А.Т. Болотов больше подобен авторам докарамзинской эпохи: разоренный средневековый замок не привлекает его внимания, зато мемуарист питает пристрастие к регулярной застройке «по плану». Хотя А.Т. Болотов довольно лаконичен в изображении городской архитектуры, он достаточно подробно описывает непривычные для него фахверковые дома: «Они называются у них фахверками или кирпичными мазанками, и составляют средний род здания между каменных и деревянных, и довольно хороши и пригожи» [10. Т. 1. С. 643]. В качестве особенности прусских и польско-прусских городов упоминается также обязательное наличие в них аптек, «...в которых продавались не столько лекарства, сколько всякие овощи и съестные вещи» [10. Т. 1. С. 643].

Все эти перемещения нарратора из одних прусских городков и местечек в другие есть предуготовление к главному путешествию «немецкого» фрагмента мемуаров – попаданию в пространственный центр, город Кенигсберг, который будет охарактеризован позднее. Здесь же заметим, что А.Т. Болотов настолько оказывается связан с относительно безопасным городским локусом, что всякий выход далеко за его пределы чреват опасностью и возвращением в авантюрно-мортальное пространство.

Если речь идет о прогулках в окрестностях Кенигсберга, то это идиллические локусы «вниз по реке Прегелю», месте, которое «...в особенности хорошо и удобно для гулянья. Оно изрыто множеством каналов, усаженных аллеями из деревьев, а по главной аллее находятся многие увеселительные домики и трактиры, для отдохновения гуляющим» [10. Т. 1. С. 862]. Как видим, это освоенное человеком пространство, облагороженная, а не дикая природа. Изображение данных прогулок во многом напоминает саксонские эпизоды карам-

зинского текста с его панорамными пейзажными описаниями, в которых демиприродный локус подается как объект эстетического восприятия, своего рода максимально статичная «живая» картина. В болотовском тексте присутствуют типичные детали такого немецкого идиллического изобильного локуса-«картины»: равнинная река; по одну ее сторону «широкая, гладкая, возвышенная, осажденная с обеих сторон ветлами» дорога; по другую – «луга, пересеченные также кое-где рядами насажденных лоз», «бесчисленное множество всякого скота, строемого на лугах» [10. Т. 1. С. 962]. Красочности и медитативного созерцательного умиротворения добавляют «плывущие по реке малые и большие суда, белые, распростертые их паруса, разноцветные флаги» [10. Т. 1. С. 962] и толпы гуляющих в праздничные и воскресные дни. Причем, как подчеркивает А.Т. Болотов, несмотря на множество народа, «нигде и никогда» не наблюдалось «...какого-нибудь бесчиния и шума, а все было тихо, кротко и хорошо, так что мило было смотреть и можно было всегда с приятностью проводить свое время» [10. Т. 1. С. 963]. В эту идиллическую рамку, подобно карамзинскому тексту, вписан город, который составляет с демиприродными окрестностями единое созерцательное целое: «...город, сидящий отчасти на горе, отчасти на косогоре; многочисленные его красные черепичные, а инде зеленые и от солнца иногда, как жар горящие, кровли домов высоких; королевский замок, возвышающийся выше всех зданий на горе, и четвероугольною и высокую башню своею особливый и... важный вид представляющий; высокие и остроконечные колокольни церквей... между бесчисленными домами; зеленые валы крепости...; целый лес из мачт судов многих, украшенных флюгерами и выпелами разноцветными; многие огромные и превысокие ветряные мельницы... – ...все сие представляло глазам в сем месте приятное зрелище...» [10. Т. 1. С. 962].

Но плавание на шлюпке к самому отдаленному из домиков для гулянья (по сути, на границе идиллического локуса) вместе с товарищами по канцелярии оборачивается опасным приключением. В отличие от чинных немцев болотовские спутники отправляются, чтобы «попьянствовать и побуянствовать прямо по русскому манеру» [10. Т. 1. С. 963]. На обратном пути же меняется сама река: «...поразила я страхом и ужасом, когда увидел реку, вместо прежней гладкости и тишины, всю покрытую страшными волнами, ибо между тем, покуда они помянутым

образом пили, погода переменялась и поднялся превеликий ветер снизу и произвел в реке превеликое волнение» [10. Т. 1. С. 964]. Кроме того, хмельные, за исключением самого рассказчика, отдыхающие велели поднять парус, так что шлюпка чуть не затонула.

Еще одним попаданием в опасный авантюрный хронотоп является поездка А.Т. Болотова по секретному поручению кенигсбергского губернатора с целью арестовать прусского графа Гревена, который должен был затем предстать для допроса в тайной канцелярии в Санкт-Петербурге. Помимо опасений, что граф может оказать вооруженное сопротивление, нарратор испытывает мучения от самого перемещения в пространстве: «...езда сия была мне довольно отягчительна, потому что я ехать принужден был в самое жаркое летнее время, в открытой прусской скверной телеге и терпеть пыль и не-сносный почти жар от солнца, <...> и место в середине, где сидеть должно, между решеток так тесно и узко, что с нуждою усесться можно» [10. Т. 2. С. 77]. В связи с авантурным хронотопом в боло-товском тексте вновь актуализируются мотивы смертельной опасности и случая: «...сделалось... стеснение в груди <...> от мыслей, что приближалась минута, в которую и моя собственная жизнь могла подвергнуться бедствию и опасности. <...> Однако, положившись на власть божескую и предав в произвол его и сей случай, пустился я с командою моею смело навстречу к графу» [10. Т. 2. С. 84].

Наконец, еще одним смертельно опасным приключением для нарратора стало путешествие по Пруссии из Кенигсберга обратно в Россию¹. Этот путь связан с различными затруднениями, ретардациями: «...как выехал я уже в начале марта <...> к Мемелю <...>

¹ Эпизод расставания автора с «милым и любезным градом» [10. Т. 2. С. 142] – это почти "зеркальное отражение" сцены отъезда русского путешественника в «Письмах» Н.М. Карамзина. По степени эмоциональности и сентименталистской риторике фрагменты вполне сопоставимы. При этом карамзинский нарратор покидает Родину и дорогих его сердцу людей, а в болотовском тексте происходит, наоборот, отъезд в Россию, но одновременно и расставание со значимым для автора локусом «инициации»: «Не могу никак изобразить, с какими чувствованиями выезжал я из... города и как распрощивался со всеми улицами... и... знакомыми себе местами. Вся внутренность души моей преисполнена была... нежными чувствами, и я так был всем тем растроган, что едва успевал утирать слезы...» [10. Т. 2. С. 142].

длинною пустою песчаною косою, <...> то не везде находили мы снег, но в иных местах принуждены были тащиться по голому песку и раскаиваться в том, что поехали сею дорогою. А как на другой день дошло до того, что нам надобно было переезжать <...> залив морской, поперек по льду, то раскаяние наше увеличилось еще и более» [10. Т. 2. С. 144]. Переезд через Курский гаф, как и путешествие на шлюпке, грозит А.Т. Болотову утоплением: «...лед сей далеко не таков толст и крепок был, как на реках, ...переезжать по нем через залив всегда было не без опасности, <...> делались на нем превеликие трещины и вода, выступая из-под льда, разливалась иногда на знатное расстояние по поверхности оною. <...> души во мне почти не было до тех пор, покуда мы его не переехали. Во многих местах принуждены мы были не ехать, а тащиться по напоившемуся водою глубокому снегу, во многих других ехать по воде и столь инде глубокой, что я того и смотрел, что мы где-нибудь либо проломимся и пойдем на морское дно со всею повозкою своею, или огрызнем так, что нам и выдраться будет не можно и мы всю пожить свою подмочим и попортим» [10. Т. 2. С. 144–145].

Впрочем, само пребывание в Кенигсберге в болотовском тексте связано с ощущением опасности. Это, во-первых, постоянная, как дамоклов меч, угроза быть отозванным по приказу из мирного локуса в авантюрно-мортальный хронотоп войны, чреватый увечьями и смертью: «...лишишься покоя, безопасности и тысячи выгод, которыми до сего времени ты пользовался и без всякой нужды подвергнешь себя опять не только всем прежним трудам, нуждам, волокитам, но и самым опасностям. <...> не в тот, так в другой случай дойдет и до тебя очередь. <...> и тебя калекою сделают и изуродуют <...> Об усердии и ревности твоей никто и не узнает, а ты изволь влачить на век жизнь горестную и несчастную; но хорошо когда <...> не случилось чего худшего... уокошат молодца по примеру других <...> Пуля глупа и не разборчива...» [10. Т. 1. С. 801–802].

Во-вторых, локус Кенигсберга также амбивалентен. Хотя идиллический элемент преобладает в болотовском описании Кенигсберга, что будет показано далее, образ этого города имеет в тексте и не столь приятную, то прозаическую, то пугающую сторону. Сюда относится, например, «особый глухой и от лучших городских мест удаленный угол» с «темными», «совсем пустыми» и «даже страшны-

ми» «ником необитаемыми узкими переулками» между амбарами-шиклерами, грубыми полукаменными зданиями [10. Т. 1. С. 676]. Вообще, средневековая кривизна и узость улиц, где «...находятся уже все сплошные и о несколько этажей каменные дома, сплюсненные между собою наитеснейшим образом» [10. Т. 1. С. 702], оценивается автором, привыкшему к русскому простору, скорее негативно: «Единое только мне не полюбилось, что дома у них, а особливо в лучших частях города, очень тесны и беспокойны; <...> большая часть не более сажень двух или трех шириною, и при том все покои в них имеют окна в одну только сторону...» [10. Т. 1. С. 713]. Узость, темнота, неудобство как свойства, связанные с дискомфортом, характеризуют внутреннее устройство дома: «...сие приносит с собою ту неудобность, что всходить в верхние этажи должно... темною и самую беспокойною круглою лестницею, ощупью <...> Дворы есть у весьма редких домов, да и те очень тесные...» [10. Т. 1. С. 713]. Кроме того, А.Т. Болотов сетует на еще одну «досадную неудобность» «тесных городских улиц»: «...по ночам всякую нечисть и сор выкидывают из домов на улицы, которая хотя ежедневно особыми и нарочно к тому определенными людьми счищается и свозится долой, но нередко бывает от того дурной запах и духота, заражающая воздух...» [10. Т. 1. С. 714]. Неудивительно, что столь ценящий визуальную панорамность мемуарист маркирует нижние этажи узких и устремленных вверх домов негативными свойствами скуки и темноты («обыкновенно бывают очень скучны и от узкости улиц темны» [10. Т. 1. С. 714]).

Кроме того, Кенигсберг, как всякое место инициации героя, связан с испытаниями, опасностью, искушениями. В случае А.Т. Болотова эти испытания имеют не физическую, а морально-волевою природу. Нарратору приходится не только прилагать усилия и надеяться на случай / провидение, чтобы остаться в Кенигсберге, но и сопротивляться соблазнам города. Одни из этих соблазнов физического рода, поскольку наряду с идиллической Кенигсберг имеет также маргинальную сторону, связанную с темами пьянства, азартных игр и проституции¹: «...Кенигсберг <...> преисполнен всем тем, что

¹ Эта маргинальная тема, однако, встречается во многих «немецких» травах русской литературы, в том числе карамзинском, когда речь заходит о крупных германских городах.

страсти молодых и в роскоши и распутствах жизнь свою провождающих удовлетворять... может, <...> в оном превеликое множество трактиров и биллиардов и других увеселительных мест; <...> женский пол в оном слишком любострастию подвержен и... находятся в оном превеликое множество молодых женщин, упражняющихся в бесчестном рукоделии и продающих честь и целомудрие свое за деньги» [10. Т. 1. С. 688–689]. Несколько раз А.Т. Болотов упоминает, что товарищи старались склонить его к распутству и пьянству, но он избегал соблазнов авантюрно-опасной стороны города: «...единая невидимая рука Господня спасла и не допустила меня в таковой же тине мерзостей и беззаконий погрязнуть, в которую погрузили себя все почти наши офицеры. <...> и поныне не могу довольно надивиться тому, каким образом я тогда от сего зла свободился. Целому стечению многих и разных особливых обстоятельств надлежало быть к тому, чтоб избавить меня от тех опасностей, которыми я окружен был, и руке Господней, или паче промыслу его... принуждено было насильно исторгнуть меня из середины общества людей, ...развращенных и опасных...» [10. Т. 1. С. 691]. Таким образом, Кенигсберг имеет черты города-блудницы с набором характерных порочных локусов (трактиров, биллиардов, винных погребов, непотребных домов), причем опять-таки тема попадания в опасно-авантюрное пространство связано с мотивом погружения-утопления.

Еще одним авантюрно-фривольным топосом выступает у А.Т. Болотова ярмарка¹ с ее увеселениями, включая народный театр, который описывается автором негативно, как пространство низкопроб-

¹ Впрочем, «прусскому» имагинально-географическому пространству в болозовских мемуарах вообще свойственна амбивалентность. Соответственно, топосу авантюрно-опасной, фривольной «проклятой ярмонки» [10. Т. 1. С. 722] с ее «буянством» и «шумом» [10. Т. 1. С. 723] противопоставлена благая рождественская «христова ярманка» [10. Т. 1. С. 846] с «конфетами» и блеском огней, которая, по впечатлениям А.Т. Болотова, «...производит довольно приятное зрелище» и связана с идиллической семейственностью: «Весь город дожидается ярманки сей, власно как некоего особливого праздника <...> лучшие мещане со всеми своими семействами и малолетними детьми съезжаются <...> Обыкновение у них есть покупать малолетным детям своим в сей вечер конфеты и игрушки и другие мелочные подарки и приносить и привозить таковые же остающимся дома» [10. Т. 1. С. 847].

ного фарса шуток, где на фоне «кой-как размазанных кулис» [10. Т. 1. С. 718] «усатый гарлекин» «...старается разными своими кривляниями, коверканиями, глупыми и грубыми шутками и враньем, составляющим сущий вздор, смешить и увеселять глупую чернь, смотрящую на него с разинутыми ртами и удивлением. Не бывает тут никакого порядка и никакой связи в представлениях, а все действия и вранье сих представляющих лиц было столь нелепо и несвязно, что без чувствования некоего отвращения на них смотреть... было не можно...» [10. Т. 1. С. 719]. Это также место обмана, поскольку, по А.Т. Болотову, представление использовалось содержанием театра, чтобы привлечь публику для последующей продажи «обманных лекарств» [10. Т. 1. С. 719]. Ярмарка привлекает и ряд офицеров русской армии, которые здесь «...упражнялись в разных забиячествах и непростительных шалостях, а иногда и самых непотребствах» [10. Т. 1. С. 721–722].

Продажным женщинам¹ сам А.Т. Болотов, однако, предпочел книги, поскольку Кенигсберг для него «оказался своеобразными "вратами учености", территорией самопознания» [6. С. 60], о чем будет сказано далее. Но с познанием связано другое искушение автора мемуаров – искушение, как он ее называет, «вольфианской философией», порождающей вольнодумство: «...была она такого свойства, что <...> как скоро из последователей оной кто-нибудь похочет... углубляться более в существо вещей всех, то всего и скорее может сбиться с правой тропы и заблудиться до того, что делается наконец деистом, вольнодумом и самым даже безбожником, и что весьма многие, преразумные впрочем люди, действительно от ней таковыми негодьями сделались и, вместо искомой пользы, крайний себе вред приобрели и в невозвратимую впали пагубу, так как то же самое едва было и со мною не случилось...» [10. Т. 1. С. 983–984]. Заметим, что мотив знания в данном случае актуализируется через пространственную образность, заданную словами «углубляться в сущность», «сбиться с тропы», «заблудиться». Спасительным средством, помогшим А.Т. Болотову справиться с искушением, выступает другая, крузианская философия, с которой автор знакомится у магистра

¹ Для А.Т. Болотова Кенигсберг тоже город «бесчисленных утех и удовольствий» [10. Т. 1. С. 674], но иного (интеллектуально-духовного) рода, чем для его сослуживцев.

Веймана, чья квартира, «сухая хибарочка во втором этаже одного посредственного домика» со «следами совершенной бедности» и одновременно средоточие «мудрости», противопоставляется богатым домам сторонников вольфианской философии [10. Т. 1. С. 987].

Итак, еще один лик Кенигсберга в болотовском тексте – это город познания, в том числе книжной мудрости. Еще предвкушая попадание в данный локус, мемуарист выражает надежду, что ему «...там будет очень весело и не скучно; могу многому и такому насмотреться, чего не видывал, а книг доставать себе купить сколько угодно» [10. Т. 1. С. 664]. А.Т. Болотов пишет, как он жадно охотился за книгами, тратя на них существенную часть своих денег, и потом читал запоем как художественную, так и натурфилософскую и душеспасительную литературу. Соответственно, библиотеки, книжные лавки и распродажи составляют один из значимых локусов болотовского Кенигсберга, наполненного, по замечанию автора, «учеными людьми и охотниками до книг»¹ [10. Т. 1. С. 898]. Также город знаний маркируется через локус университета, поблизости от которого располагались «дома тамошних профессоров и других ученых людей», хотя стоит отметить, что нарратора больше интересуют сами ученые люди, чем здание: «...университет сей ни наружностью, ни внутренностью своей не мог приводить в удивление, ибо здание оно было самое простое и старинное, и самая аудитория не составляла никакой важности» [10. Т. 1. С. 709]. Не менее книг и ученых людей А.Т. Болотова привлекают мастерские («...я находился тогда в таком городе, который наполнен был всякими мастеровыми, могущими сделать все, что б им ни заказать...» [10. Т. 1. С. 866]), дом «прусского отставного полковника, великого охотника до наук и до всяких рукоделий и художеств» [10. Т. 1. С. 872] с «превеликой комнатой», заставленной «множеством всякого рода машин, орудий и инструментов» [10. Т. 1. С. 874] как знаков ургии, а также выставка бабочек и «маленькая кунсткамера»,

¹ При этом А.Т. Болотов, подобно русскому путешественнику Н.М. Карамзина, заводит «знакомство» с городом-книгой заранее, еще до непосредственного попадания туда: «...целое лето буду жить в большом и славном иностранном немецком городе, о котором я наслышался неведомо сколько доброго и который наполнен учеными людьми, библиотеками и книжными лавками» [10. Т. 1. С. 663–664].

где он «...не мог... довольно налюбоваться зрением на множество редких и никогда мною не виданных вещей, а особливо на преогромное собрание разных руд, окаменелостей, камней, ...раковин, ...птичьих яиц, ...птичьих чучел, ... превеликое собрание янтарных штучек с находящимися внутри их мушками и козявочками...» [10. Т. 1. С. 712]. Здесь же, в Кенигсберге, автор знакомится с камерой обскура, с искусством изготовления линз, т.е., по сути, город становится для А.Т. Болотова своего рода оптической машиной, вбирающей в себя чудеса всего мира и делающей их объектами созерцания. В сцене прощания с Кенигсбергом нарратор обращается к нему как одушевленному существу, подытоживая для себя значение локуса как места познания земного и небесного миров: «Ты был мне полезен в моей жизни, ты подарил меня сокровищами бесценными, в стенах твоих сделался я человеком и спознал самого себя, спознал мир и все главнейшее в нем, а что всего важнее – спознал творца моего, его святой закон и стезю, ведущую к счастью и блаженству истинному» [10. Т. 2. С. 143].

Кенигсберг исторический слабее представлен в тексте А.Т. Болотова, чем у Н.М. Карамзина. Немецкое средневековье не составляет для мемуариста столь значимого объекта описания, как в карамзинских «Письмах», что видно, например, из болотовской характеристики университета. Конечно, автор уделяет внимание описанию старинных зданий, но делает это в относительно лаконичной манере, ограничиваясь общими эпитетами: «возвышающиеся... пышные и величественные башни и высокие колокольни церквей» [10. Т. 1. С. 674]; «старинный замок, или дворец прежних владетелей прусских», «...огромное четверугольное, воздвигнутое на горе и не совсем начисто отделанное здание придавало всему городу важный и пышный вид, а особливо построенною на одном угле онаго, превысокою четверугольною и никакого шпица и верха не имеющую башнею...» [10. Т. 1. С. 678]. Здесь мы имеем дело с акцентированием величественности панорамного пейзажа, чем исторической значимости построек. В описании «публичной и старинной библиотеки» фокус внимания сосредоточен на книгах, «по большей части старинных» и «отчасти рукописных», а также иных хранимых здесь «редкостях»: «...наидостойнейшие замечания были портреты Мартина Лютера и жены его Катерины Деворы, о которых уверяли, якобы они писаны с живых оных» [10. Т. 1. С. 705]. Изображение соборной церкви также не содержит особых архитектурных деталей,

лишь констатирует факт: «старинная, построенная в готическом вкусе с превысоким шпицем» [10. Т. 1. С. 707]. Из внутреннего убранства церкви отмечены «пребогатые органы, стоящие несколько десятков тысяч и достойные зренья» [10. Т. 1. С. 707] «трофеи и знамена», а также «прекрасные мавзолеи и надгробия» «пруссских герцогов и наизнаменитейших людей», в том числе «высокая и широкая четверугольная гробница, наверху которой некто из старинных прусских владетелей, лежащий в полном росте вместе со своею женою» [10. Т. 1. С. 708], но и это описание весьма скупо и до некоторой степени утилитарно, если сравнить с карамзинским текстом, где полный риторических фигур экфразис церковного витража может стать основой для исторического мини-сюжета. Вообще А.Т. Болотова трудно назвать ценителем готики, что видно, например, из характеристики: «...кирка... хотя огромная, но самая старинная, построенная в готическом вкусе» [10. Т. 1. С. 708]. Средневековые кварталы Альштата с их «...узкими, темными и на большую часть кривыми улицами, какие везде в старинных европейских городах... в обыкновении...» [10. Т. 1. С. 706], не кажутся автору живописными; им он предпочитает ширину и прямизну длинной Кнейпгофской улицы, прозванной русскими «Миллионной» за средоточие там домов богатейших купцов: «...дома и на ней все сплошные, староманерные, превысокие, этажей в пять или в шесть и чрезвычайно узкие, а единая ширина и прямизна придают ей наилучшую краску» [10. Т. 1. С. 708].

Наконец, еще один аспект урбанистического прусского локуса – это идиллический Кенигсберг, убежище мира в авантюрно-мортальном пространстве войны: «...с пришествием в сей город назначено было от судьбы и всей моей военной службы почти кончиться...» [10. Т. 1. С. 673]. Через весь «кенигсбергский» фрагмент лейтмотивом проходит антитеза малого мирного кенигсбергского и большого военного европейского пространства: «Между тем, как в Бранденбургии, Померании, Шлезии и Саксонии война вышеупомянутым образом горела, и многие тысячи людей погибали понапрасно, мы продолжали жить в Кенигсберге наиспокойнейшим образом, и так, как бы находились в дружеской земле¹ или в своем отечестве.

¹ Здесь вновь актуализирован мотив прусской «дружеской земли», который появляется в тексте в связи с переходом русской армией границы Восточной Пруссии.

Ничто не нарушало нашего спокойствия и не мешало нам упражняться в разных увеселениях» [10. Т. 1. С. 797]; «Мы же... жили в Кенигсберге в покое и тишине, <...> о своих увеселениях помышляли» [10. Т. 1. С. 852–853]; «...мне... не хотелось с сим городом расстаться и трудную и скучную походную жизнь променять на тутошную спокойную и приятную» [10. Т. 1. С. 855]; «Между тем как мы... в Кенигсберге в мире и тишине жизни и время свое препровождали в разных увеселениях, война продолжала гореть в Европе...» [10. Т. 1. С. 900]; «...между тем как мы... в Кенигсберге в мире и в тишине жили и время свое провождали в одних забавах, утехах и увеселениях разных, а я занимался чтением, переводами и науками, война продолжалась в Европе <...> во многих... странах и областях» [10. Т. 2. С. 7]. Кроме того, прусская идиллия важна для автора еще и потому, что является основой для последующего идиллического бытия, «мирной, спокойной и благополучной жизни» [10. Т. 1. С. 673] в России. При этом Кенигсберг, несмотря на «порядочные городские ворота» и «строгие караулы»¹, маркируется как подчеркнуто невоенный локус: «...не может сей город порядочной и долговременной осады вытерпеть, и потому почесться может он более открытым купеческим и торговым городом, нежели крепостью» [10. Т. 1. С. 702].

Множество раз упомянутые А.Т. Болотовым увеселения отличаются от тех непристойностей, которым, согласно автору, предавались его сослуживцы. Нарратор развлекается на немецкий лад, подчеркивая, подобно русским авторам, другим «немецким» травелогам, умеренность немцев во всех проявлениях. Мотивы умеренности² и благопристойности относятся как к описаниям прусского

¹ Мотив строгости прусских караулов – традиция, введенная Фридрихом II, – встречается и в карамзинском тексте. Также, подобно Н.М. Карамзину, А.Т. Болотов иронизирует над внешним видом караульных: «Для содержания... караула было у них несколько десятков человек городских престарелых солдат, которых особливому и смешному мундиру мы довольно насмешаться не могли» [10. Т. 1. С. 707].

² Умеренность пруссаков имеет, однако, и свою обратную сторону. Хотя они и отличают нарратора за его благопристойное поведение от иных русских, дают ему советы, оказывают услуги и проводят с ним время в мирных увеселениях, он продолжает чувствовать некую отстраненность между собой и большинством

народа в целом («умеренный и воздержный род их жизни, удаленной от всяких роскошей и излишеств» [10. Т. 1. С. 699]; «...жители... живут довольно хорошо, однако умеренно и без всяких почти излишеств. Не приметно... никакого... мотовства и непомерности. Все наилучшие люди ведут жизнь степенную и более уединенную <...> В домах прислуга у них очень малая. Есть варят у них обыкновенно женщины, которые сами и закупают к столу все нужное, а вкупе и отправляют должность лакеев...», сопровождая хозяек во время прогулок, что для русских «...было сперва очень удивительно» [10. Т. 1. С. 712–713]), так и к характеристике пруссаков в деловой жизни, противопоставленной русским порядкам («...в немецких канцеляриях совсем не такие обыкновения, как у нас, <...> служителями не предпринимаются никакие вольности в разговорах и не препровождается время в смехах и балагуреньях, ...всякий... сидит, как вкопанный, на своем месте¹ и занимается своим делом наиприлежнейшим образом, и у них не только нет никогда шума и сумятицы, но наблюдается во всем благопристойность, тихость и совершенный

кенигсбержцев, т.е. для них А.Т. Болотов уже не чужой, но еще не свой. С тем большим воодушевлением он превозносит двух кротких, добродушных, честных и благородных стариков, у которых квартируется. Как подчеркивает мемуарист, это их «несвойственное пруссакам благоприятие» [10. Т. 1. С. 891–892] объясняется тем, что «...старики... были не природные прусские жители, а уроженцы... страны, которая наполнена людьми добрыми и честными и... славится добротой характеров своих жителей, а именно из Швейцарии» [10. Т. 1. С. 891].

¹ Здесь русский нарратор входит в мирный «немецкий мир» не только через язык, но и подражание поведению пруссаков: «...привыкнув к сему новому и уединенному роду жизни, препроводил я несколько недель в наиспокойнейшем состоянии и жил... в мире и тишине и был состоянием своим доволен» [10. Т. 1. С. 700]. В том же трактире А.Т. Болотов ведет себя в соответствии с понятиями немцев о пристойности и допустимых развлечениях: «...захаживал я... в трактир, но не для мотовства и бесчиния какого, а <...> чтоб велеть напоить себя кофеем или чаем, а между тем философическим оком посмотреть на людей разного состояния <...> читал я там новейшие... иностранные газеты, ...с товарищами своими, немцами, садился за особый столик, <...> играя не для прибытка, а для увеселения единого <...> сыгрывал партию, другую... в билиард <...> для единого увеселения» [10. Т. 1. С. 961]. В результате инонациональное оказывается нарратору ближе своего: «...в сообществе не наших, а смиренных и кротких кенигсбергских жителей препровождал всегда с особливим удовольствием время» [10. Т. 1. С. 961].

порядок...» [10. Т. 1. С. 697]), а также в пространственных перемещениях («...карет и богатых экипажей у них чрезвычайно мало, а все ходят наиболее пешком» [10. Т. 1. С. 7134]; «Ходьба и езда по городу довольно спокойная...» [10. Т. 1. С. 714]), на свадьбах, напоминающих мемуаристу балы («...все люди были порядочно одеты и наблюдавшие всю благопристойность [10. Т. 1. С. 830]), во время прогулок за городом («...не видал я... бесчиния и шума, а все было тихо, кротко и хорошо...» [10. Т. 1. С. 963]), в городских садах («Единое только наблюдается строго¹, чтоб всегда господствовало тут благочиние, тишина и всякая благопристойность, почему и не услышишь тут никогда ни шума, ни крика и никаких других вздоров; но... посещающие... сады... либо сидят где-нибудь в кучке, либо гуляют себе по аллеям и дорожкам, либо забавляются какою-нибудь игрою и провождают время свое в удовольствии и в смехах. Никакая партия другой не мешает <...> все... стараются друг другу оказывать... вежливость и учтивость» [10. Т. 1. С. 859–860]; «Чашка чаю или кофея и трубка табаку составляли все мое мотовство в оных... » [10. Т. 1. С. 961]).

С мотивом умеренности связан другой, весьма расхожий в русских травелогах о Германии рубежа XVIII–XIX вв. мотив сглаженности сословных различий (особенно в Пруссии). Выше мы указывали, что русских офицеров удивляло, что женская прислуга совмещала в себе множество ролей. Также, как замечает А.Т. Болотов, люди «всякого чина и состояния», «кроме только самой подлости», могли вместе оказаться на свадьбе («...есть тут мещане, есть хорошие ремесленники, есть духовные, есть и хорошие купцы со своими женами и дочерьми; а из молодых и сих танцующих мужчин есть множество и штудирующих здешнем университете студентов, и в том числе хороших дворянских детей <...> всякому дозволено посещать сии пиры» [10. Т. 1. С. 831–832]). Та же картина описывается А.Т. Болотовым и в локусах городских садов, наполненных летом «множеством всякого рода людей»: «Ходят в них купцы, ...хорошие

¹ Поддержанием идиллической упорядоченности занимается в том числе полиция: «...если кому вздумается что-нибудь непристойное и неприличное предпринять, тотчас под руки, и выведут со стыдом вон и вытолкают в двери, кто б он таков ни был» [10. Т. 1. С. 832].

мещане, ...студенты, а иногда и мастеровые. Словом, вход в них, кроме самой подлости, никому не возбранен, и всякий имеет свободу в них сидеть, или гулять, или забавляться разными играми» [10. Т. 1. С. 859].

Вообще антитеза русской любви к роскоши вплоть до мотовства и немецкой умеренности, доходящей до скупости даже в среде аристократии, весьма часто встречается в русских травелогах о Германии конца XVIII – первой половины XIX в. Присутствует это противопоставление и в болотовском тексте, где кенигсбергские похождения русских офицеров-гуляк контрастируют с бережливыми привычками горожан. Проецируется оно и на жизнь не только третьего сословия, но и высшей прусской аристократии. В частности, упоминается королевский дворец в Восточной Пруссии, «...который составлял тогда очень небольшой и такой каменный домик, каких у нас в Москве несколько сот найти можно...» [10. Т. 1. С. 711]. Также комнаты в кенигсбергском замке, где жили ранее прусские герцоги, маркируются как «старинные, скучные и темные» с маленькими окнами и неотделанными этажами [10. Т. 1. С. 967]. Но поселившийся здесь губернатор Корф перестраивает их в новом роскошном стиле: «Поправления и отделка сия стоила нам не одну тысячу, ибо генерал отделявал покои свои с пышной руки и не жалея нимало денег; наилучшие лепные мастера и живописцы альфреско употреблены были для убирания и расписывания комнат, и одна галерея стоила, я думаю, тысяч двух, а о прочих и многочисленных, жилых и парадных комнатах уже и упоминать нечего. Из сих убрана и украшена была одна другой лучше, и весь сей этаж отделан был так хорошо, что ежели б приехала к нам и сама императрица, так бы могла найти в нем себе спокойную квартиру» [10. Т. 1. С. 967]. Генерал Корф меняет не только интерьеры, но и задает новые великосветские порядки с невиданным прежним владельцам размахом: «...приехал... в Кенигсберг с превеликой помпой и многочисленной свитой. <...> с самого приезда... начал жить и вести себя с такой пышностью и великолепием, что с того времени весь Кенигсберг власно как оживотворялся, и пошло в нем все другое» [10. Т. 1. С. 728]. Именно благодаря российскому губернатору город «сделался обиталищем утех и веселостей», «центром веселостей» посреди «шума военного оружия» [10. Т. 1. С. 839], привлекавшим в Кениг-

сберг прусское, польское и русское дворянство. Одним из примеров таких увеселений, причем не самым роскошным, является устроенная Корфом «иллюминация», которая «в немецких городах бывает очень редко. И потому, хотя... ничего почти не значила и была самая маленькая и иллюминирована была тогда только решетка и ворота двора..., но для пруссаков было уже и сие в великую диковинку, и народ, собираясь в великом множестве, не мог ей довольно насмотреться...» [10. Т. 1. С. 951]. В целом, по замечанию А.Т. Болотова, «...жители прусские не выдвигали, с самого начала своего королевства, никогда таких еще в столичном городе своем пышностей, забав и увеселений, какие тогда видели и вряд ли когда-нибудь и впредь увидят. Ибо самые прусские короли едва ли могут когда-нибудь так весело, пышно и великолепно жить, как жил тогда наш Корф¹» [10. Т. 1. С. 969].

Наряду с мирностью, упорядоченностью и умеренностью, Кенигсбергу как идиллическому локусу присущи положительные характеристики изобилия («...город сей во всем имеет изобилие...» [10. Т. 1. С. 712]), благополучия-счастья («обиталище благополучия» [10. Т. 1.

¹ Великовельможное поведение Корфа хотя в некоторой степени и соотносится с имперскими амбициями новой власти в Кенигсберге, не укладывается, однако, в рамки дихотомии «русское роскошество – немецкая экономия», а скорее отражает личные вкусы богатого фаворизированного генерала, поскольку сменивший его на посту губернатора Суворов, как показывает А.Т. Болотов, вел себя гораздо скромнее: «...не видно было в нем ни малейшей пышности и великолепия такого, какое привыкли... видеть в Корфе» [10. Т. 2. С. 36–37]. Впрочем, Суворов устраивает для местных немцев иное невиданное для них зрелище на праздник Богоявления – «водосвящения надворные» со всеми русскими «обрядами» [10. Т. 2. С. 35–36]: «Процессия [шествия от церкви до иордани. – С.Ж.]... была наивеликолепнейшая, и архимандрит, в богатых своих ризах и драгоценной шапке, со множеством духовенства, производили для пруссаков зрелище, достойное любопытства...» [10. Т. 2. С. 36]. Таким образом, в болотовском тексте русское и немецкое пространства взаимопроникают друг в друга. Еще один пример этому – символический акт переделывания протестантской церкви в православную, когда в «яблоко» шпица, где уже была помещена медная пластина с историей основания кирхи, русские добавляют аналогичную пластину с «латинскими письменами» о превращении церкви «в греческую», оставляя «на веки монумент» в Кенигсберге, «...что мы, россияне, некогда им владели...» [10. Т. 1. С. 1000].

С. 674]), чистоты-благоустроенности («...мостовая сия содержит-ся... в хорошем состоянии; в ночное же время, а особливо осенью и зимою, освещаемы бывают все улицы фонарями...» [10. Т. 1. С. 714]; «...в домах... чисто и прибористо...» [10. Т. 1. С. 873]; «...все немцы обыкновенно одевались чище и убирались лучше наших офицеров...» [10. Т. 1. С. 979]), а также визуальной привлекательности-пышности («С ненасытимым оком и... восхищением взирал я на сей обширный, <...> отменно пышный и хороший вид имеющий город...» [10. Т. 1. С. 674]; «...не мог довольно налюбоваться красотою и пышностью многих улиц...» [10. Т. 1. С. 678]).

Особо отмечаемым А.Т. Болотовым идиллическим типом городского пространства являются демиприродные локусы садов, которые в целом составляют, согласно Е.Э. Овчаровой, предмет «страстного увлечения» автора [4. С. 142]. Так, автор пространно описывает сад купца Сатургуса, не очень обширный, но «наилучший во всем Кенигсберге» в силу своей ландшафтной регулярности, всевозможным «украшениям» и «редким вещам» [10. Т. 1. С. 711]. По сути, такой локус воплощает в себе идею облагоустроенной идиллической природы, своего рода идеального мира в миниатюре, соединяющего естественнонаучное, техническое и эстетическое начала: «Есть... тут богатая оранжерея, набитая разными иностранными произрастаниями; есть менажерия, или птичник и зверинец, в котором содержится множество редких иностранных птиц и зверьков; есть многие прекрасные домики и беседки» [10. Т. 1. С. 711–712], «бесчисленное множество цветов», «хорошие плодоносные деревья», а также деревья, «обстриженные разными фигурами», фонтаны, питаемые «насосами из канала», «прекрасная башня» и «изрядная беседка» с «колокольной игрой», «производимой тою же водою» [10. Т. 1. С. 712].

С описанием этого и иных кенигсбергских садов, которые также характеризуются миниатюрностью и упорядоченностью («не слишком велики и не пышные, однако иные из них довольно изрядные и содержимые в порядке» [10. Т. 1. С. 859]), связан в болотовском тексте мотив удовольствия, в котором гармонически уравновешены эстетически-познавательный и утилитарный элементы («Все сии зрелища были до того мною невиданные, и потому всякий раз, когда ни случалось мне в саду сем бывать, производили мне много удовольствия» [10. Т. 1. С. 712]; «...находилось тогда в Кенигсберге множе-

ство таких садов, в которые ходить и там с удовольствием время свое препровождать было нам невозбранно» [10. Т. 1. С. 859]). Помимо любования диковинами и наслаждения умиротворяющей атмосферой, в этих прусских локусах можно отдохнуть, выпить и поесть в находящихся там трактирах и беседках с их типажно-«немецкими» атрибутами «кофея», пива или трубки с табаком, а также сыграть в «ломбер», «лагенбан», «фортунку» или «биллиард» «отнюдь не для выигрыша, а для единственного препровождения времени» [10. Т. 1. С. 860]. Идиллически-мирный характер пространства подчеркнут словосочетаниями «тихо и мирно», «без всякого шума, крика» [10. Т. 1. С. 860], «тихое, кроткое и безмятежное обхождение и вежливость» посетителей [10. Т. 1. С. 861], а утилитарно-упорядоченный, уютный аспект актуализирован в характеристике автора, что в прусских садах «...все так хорошо, так дешево и так укомно, что всякий выходит с удовольствием оттуда» [10. Т. 1. С. 860]. Аналогично кенигсбергским садам и демиприродное пространство окрестностей Кенигсберга, о которых говорилось выше и к которым также можно отнести «земляные валы, окружающие форштаты» и служащие «общим гульбищем» для кенигсбержцев: «Всякое воскресенье после обеда наполнены они были несколькими тысячами гуляющего по ним обоего пола народа...» [10. Т. 1. С. 861].

Наряду с городскими садами и окрестностями, еще одним центром визуальной идиллии в Кенигсберге выступает пространство вокруг одного из мест жительства А.Т. Болотова. Описание видов, окружающих этот дом, представляет собой идиллические демиприродные пейзажи, поданные в сентименталистском духе. В одной стороне созерцателю открывается «маленькой плодосной садик» [10. Т. 1. С. 888], деревья из которого «простирались» до окон жилища автора. Во второй – другой, «прекрасный, регулярный и убранный беседками и партерами сад» [10. Т. 1. С. 888] с множеством цветов, который особенно «увеселял» А.Т. Болотова. Локус доступен созерцателю как в визуальном («...я мог весь его обозреть и видеть всех в нем гуляющих...»), так и в ольфакторном аспектах («...запах от духовитых трав и цветов достигал даже до моих окон...» [10. Т. 1. С. 889]. Это пространство *dolce far niente*, отдохновения от прозы жизни для «целых компаний», «проводяющих в прогулках свое время» и одиночек (в полубеседке «в уединении чи-

тающего книгу молодого человека»), а также локус семейственности: «...прихаживало туда все семейство... и пило чай с гостями своими» [10. Т. 1. С. 889]. Наконец, кульминация идиллической визуальности, «наиприятнейшее для глаз зрелище» [10. Т. 1. С. 889], описывается в третьей стороне, открывающейся из жилища А.Т. Болотова. Это вид на большой пруд, берега которого украшены «множеством прекрасных регулярных садов и беседками разных фигур, построенных на самой почти воде» [10. Т. 1. С. 890], а также «сплошными и одну почти связь составляющими каменными домами», раскрашенными «разными красками» и снабженными «разноцветными зонтиками» от солнца, что в совокупности представляется нарратором как идиллический «...наивеликолепнейший амфитеатр, а особенно в тихую погоду, когда в гладкой поверхности воды все они и в ней изображались превратно власно, как в зеркале» [10. Т. 1. С. 889]. По сути, это максимально статичный мирный локус, «живая картина», застывшее мгновение, заполненное эстетическим созерцанием «пышности и красоты» и интеллектуальной деятельностью: «Не один раз выносил... столик и по несколько часов тут в тени... сиживал на свежем воздухе и, любуясь красотой места, упражнялся либо в чтении какой-нибудь приятной и полезной книжки, либо в писании чего-нибудь себе в науку и в наставление» [10. Т. 1. С. 889–890]. Идилличность также усиливается аудиальными образами, «приятными звуками гармонической музыки» из окружающих «прекрасный пруд» домов, жители которых музицировали: «...нередко увеселяем был слух мой из иных окон приятным тоном флейтраверсов, из иных валторн, из иных скрипич и других инструментов...» [10. Т. 1. С. 890]. Человечески освоено-облагорожено и пространство самого пруда, по которому разъезжают «маленькие суденышки с целыми компаниями людей обоего пола», увеселяющими для нарратора «еще более зрелище», и через который прокинут «узенький и предлинный мост», всегда заполненный народом: «Иногда собирался он толпами и, облокотясь о перилы, смотривал на сие озеро и красотами оною, вместе со мною, любовался, или утешался приятною музыкою, слышимою из многих домов, по берегам оною построенных» [10. Т. 1. С. 890].

Подводя итоги пространственному описанию Восточной Пруссии в мемуарах А.Т. Болотова, отметим, что имагинально-геогра-

фические образы в тексте могут быть в целом структурированы исходя из их соотношенности с элементами оппозиций «центр – периферия» и «авантюрно-мортальное – идиллическое». В данном случае центром пространства выступает город Кенигсберг с его близлежащими окрестностями, а периферией – все прочие восточнопрусские локусы мемуаров, природные, демиприродные-рустикальные и урбанистические локусы. При этом и периферийные, и центральные локальные образы могут, хотя и в разной степени, относиться к авантюрно-мортальному и идиллическому типам пространства, что в целом придает «прусскому» пространству в болотовском тексте амбивалентность.

К авантюрно-мортальному пространству относятся локусы войны (граница территории противника, поля сражений, разоренные деревни и города и т.п.), а также места, связанные с покиданием нарратором территории центра (дальняя прогулка на шлюпке, поездка с секретным поручением, путешествие домой через Курский гаф). Эти локусы маркированы мотивами опасности, фатума, буйства, смерти. Действие здесь превалирует, поэтому пейзажные описания (за исключением локуса Курского гафа) весьма лаконичны, лишены инонациональной пространственной специфики.

В рамках Кенигсберга как центра авантюренность и мортальность существенно смягчены, но проявляются в ряде случаев. Во-первых, беспокойность жизни в прусской столице для автора связана с угрозой его возврата не по своей воле в пространство войны, что чревато гибелью, увечьем и т.п. Соответственно, автор описывает различные ухищрения, помогающие ему остаться в городе. Во-вторых, в рамках Кенигсберга есть отдельные пространства, способные, по мнению мемуариста, привести его не к физической, но духовной гибели. С одной стороны, это различные «кабацкие» локусы (трактиры, биллиардные и прочие увеселительные места, включая топос ярмарки как территории обмана и буйства, в которых подвергается испытанию нравственность нарратора. С ними связаны мотивы продажной любви, неумеренного потребления алкоголя, азартных игр. С другой стороны, потенциальная духовная пагуба может исходить от Кенигсбергского университета и книг, продаваемых в местных лавках. Это связано с мотивом «неправильной» философии, чреватой опасностью вольнодумства и атеизма как отхода от путей божьих. Наконец, в наиболее

ослабленном виде опасность в границах города может выступать просто в качестве неуютного пространства, причем как на городской периферии (дальние, безлюдные / глухие, почти страшные складские кварталы с амбарами-шпиклерами), так и в историческом центре Кенигсберга с его подчеркнуто готической архитектурой жилищ, не очень удобных для проживания (в последнем случае актуализируются негативно маркированные мотивы тесноты, темноты, узости, кривизны улиц и дурного запаха от выбрасываемых отходов).

В качестве идиллических пространств, противопоставленных авантюрно-мортальным, А.Т. Болотов описывает отдельные, нетронутые войной, локусы прусских деревень и городов. Для этих описаний характерны мотивы мирной жизни, изобилия, упорядоченности и уюта немецкого пространства, а также его миниатюрности и одновременно густонаселенности, что в целом означает ярко выраженные антропность и цивилизованность идиллической Восточной Пруссии.

Средоточием идиллии в болотовском тексте выступает и сам Кенигсберг как центр «прусского» хронотопа. В рамках общего образа города можно выделить ряд урбанистических (улицы, дома, замок, кирки) и демиприродных подпространств (городские сады и гульбища вокруг города). В целом в описании идиллического Кенигсберга актуализированы мотивы визуальной красоты, упорядоченности, уюта, изобилия и пышности, но в то же время умеренности как некоей гармонической удержанности от крайностей. Впрочем, иногда эта «немецкая» умеренность подвергается мягкой критике автора и «разбавляется» отдельными проявлениями «русской» любви к роскошеству и свободному проявлению чувств, которые А.Т. Болотов как сторонник «золотой середины» также оценивает критически, не оправдывая в полной мере.

Кроме идиллической, образ болотовского Кенигсберга имеет еще целый ряд сторон. Так, город выступает как центр увеселений и удовольствий. С одной стороны, это придает Кенигсбергу отдельные черты города-блудницы. С другой – автор мемуаров, чей образ жизни в столице Восточной Пруссии можно охарактеризовать скорее как созерцательно-интеллектуальный, находит здесь иные, более «пиитические» развлечения, танцуя на балах и свадьбах, читая книги и беседуя на философские и естественнонаучные темы, мастера

кунштштуки и просто часами любуюсь городской жизнью. Трактирные «приключения» А.Т. Болотова не авантюры, не выходят за рамки жизни добропорядочного умеренного немца – выпить кофе, почитать газету, сыграть по мелочи не ради выигрыша, а для приятного времяпрепровождения.

Еще одна сторона прусской столицы – исторический Кенигсберг. Его автор мемуаров описывает довольно скупо, хотя и подмечая особенности, но не вживаясь в средневековую атмосферу в той степени, как это делает, например, Н.М. Карамзин. Вообще средневековой кривизне, высоте и узости готики А.Т. Болотов предпочитает простор, регулярность / упорядоченность и прямизну более новых и пышно выглядящих кварталов.

Гораздо большее значение для мемуариста имеет Кенигсберг как место личной «инициации» и познания. В прусском городе А.Т. Болотов познает инациональный мир в том разнообразии, который может предложить цивилизованный европейский город, познает себя и познает, что особо акцентируется автором, путь к Богу. Описывая свое взросление в Кенигсберге, мемуарист маркирует его как локус пользы, подготавливающий русского дворянина к новой жизни в России.

В целом «пруссский» фрагмент болотовских мемуаров во многом походит на другие травелоги русской литературы конца XVIII в., описывающие пространство Германии. В плане пространности и количества изображаемых деталей текст А.Т. Болотова подобен «Письмам русского путешественника» Н.М. Карамзина. Хотя тон болотовского повествования более рационалистичен во многих моментах, в нем, однако, проявляется и сентименталистский модус в акцентировании чувств, испытываемых нарратором, в общей атмосфере восхищения Чужим и особом внимании к идиллическим «немецким» демиприродным локусам сада и деревни.

Список источников

1. Милютин М.П., Веселова А.Ю. Мемуары А.Т. Болотова: история создания // Русская литература. 2020. № 3. С. 165–182.
2. Попова В.И. «Записки...» А.Т. Болотова как энциклопедия провинциальной жизни в России XVIII в. // Проблемы науки: материалы Всероссийской научно-технической конференции. Ч. 3: Гуманитарные науки. Новомосковск : Новомосковский институт, 2019. С. 64–68.

3. Володина Т.А., Тарунтаева Т.А. Имперский характер русской армии в Семилетней войне (по воспоминаниям А.Т. Болотова) // Университет XXI века: научное измерение: материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула, 22 мая 2019 г. Тула : ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2019. С. 494–495.

4. Овчарова Е.Э. Западноевропейский литературный пейзаж XVIII века и мемуары А.Т. Болотова // Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI веков. Нижний Новгород : ННГУ, 2016. С. 140–146.

5. Овчарова Е.Э. Русский дворянин XVIII в. в европейской культурной среде: кенигсбергский период жизни А.Т. Болотова // Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи: колл. монография. Нижний Новгород : ННГУ, 2017. С. 406–415.

6. Пауткин А.А. Кенигсберг А.Т. Болотова. Оптика самопознания // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 4. С. 52–61.

7. Schmidt W. Ein junger Russe erlebt Ostpreussen. Andrej Bolotovs Erinnerungen an den Sibenjährigen Krieg // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. München : Wilhelm Fink Verlag, 1992. S. 190–208.

8. Антохов А.В., Антохова С.Ю. Время и пространство в мемуарно-автобиографической прозе // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 60–67.

9. Жданов С.С. «Средневековые» немецкие локусы в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Семиотическое пространство языка. Смыслы и знаки : материалы 2-й Международной научно-практической конференции. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2018. С. 57–67.

10. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: описанные самим им для своих потомков: в 4 т. СПб. : Печатня В. Головина, 1870–1873.

11. Тиме Г.А. О феномене русского путешествия в Европу. Генезис и литературный жанр // Русская литература. 2007. № 3. С. 3–18.

12. Зиновьев В.Н. Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784–1785) // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. М. : ИМЛИ РАН, 2008. Вып. 3: Литературные источники последней трети XVIII века. С. 335–380.

References

1. Milyutin, M.P. & Veselova, A.Yu. (2020) A. T. Bolotov's Memoirs: History of Creation. *Russkaya literatura*. 3. pp. 165–182. (In Russian). DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-165-182

2. Popova, V.I. (2019) ["Notes ..." by A.T. Bolotov as an encyclopedia of provincial life in Russia in the 18th century]. *Problemy nauki* [Problems of science]. Conference Proceedings. Pt 3. Novomoskovsk: Novomoskovskiy institut. pp. 64–68.

3. Volodina, T.A. & Taruntaeva, T.A. (2019) [The imperial character of the Russian army in the Seven Years' War (by the memoirs of A.T. Bolotov)]. *Universitet*

XXI veka: nauchnoe izmerenie [University of the 21st century: A scientific dimension]. Proceedings of the International Conference. Tula. 22 May 2019. Tula: Tula State Pedagogical University. pp. 494–495. (In Russian).

4. Ovcharova, E.E. (2016) Zapadnoevropeyskiy literaturnyy peyzazh XVIII veka i memuary A.T. Bolotova [Western European literary landscape of the 18th century and memoirs of A.T. Bolotov]. In: Sharypina, T.A., Poluyakhtova, I.K., Men'shchikova, M.K. (eds) *Natsional'nye kody v evropeyskoy literature XIX–XXI vekov* [National codes in European literature of the 19th–21st centuries]. Nizhniy Novgorod: Nizhniy Novgorod State University. pp. 140–146.

5. Ovcharova, E.E. (2017) Russkiy dvoryanin XVIII v. v evropeyskoy kul'turnoy srede: kenigsbergskiy period zhizni A.T. Bolotova [Russian nobles of the 18th century in the European cultural environment: The Königsberg period of A.T. Bolotov]. In: Sharypina, T.A., Poluyakhtova, I.K., Men'shchikova, M.K. (eds) *Natsional'nye kody evropeyskoy literatury v kontekste istoricheskoy epokhi* [National codes of European literature in the context of the historical era]. Nizhniy Novgorod: Nizhniy Novgorod State University. pp. 406–415.

6. Pautkin, A.A. (2017) A.T. Bolotov in Königsberg. Optics of Self-Knowledge. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*. 4. pp. 52–61. (In Russian).

7. Schmidt, W. (1992) Ein junger Russe erlebt Ostpreussen. Andrej Bolotovs Erinnerungen an den Sibenjährigen Krieg. In: *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht*. 18. Jahrhundert: Aufklärung. München: Wilhelm Fink Verlag. pp. 190–208.

8. Antyukhov, A.V. & Antyukhova, S.Yu. (2010) Vremya i prostranstvo v memuarno-avtobiograficheskoy proze [Time and space in memoir-autobiographical prose]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 60–67.

9. Zhdanov, S.S. (2018) [“Medieval” German loci in the Letters of a Russian Traveler by N.M. Karamzin]. *Semioticheskoe prostranstvo yazyka. Smysly i znaki* [Semiotic space of language. Meanings and signs]. Proceedings of the 2nd International Conference. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. pp. 57–67. (In Russian).

10. Bolotov, A.T. (1870–1873) *Zhizn' i priklucheniya Andrey a Bolotova: opisannye samim im dlya svoikh potomkov: v 4 t.* [Andrey Bolotov's Life and Adventures, Written by Himself for His Descendants: in 4 volumes]. St. Petersburg: Pechatnya V. Golovina.

11. Time, G.A. (2007) O fenomene russkogo puteshestviya v Evropu. Genesis i literaturnyy zhanr [On the phenomenon of Russian travel to Europe. Genesis and literary genre]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 3–18.

12. Zinov'ev, V.N. (2008) Zhurnal puteshestviya po Germanii, Italii, Frantsii i Anglii (1784–1785) [Journal of travel in Germany, Italy, France and England (1784–1785)]. In: *Rossiya i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniya* [Russia and the West: Horizons of mutual knowledge]. Vol. 3. Moscow: IWL RAS. pp. 335–380.

Информация об авторе:

Жданов С.С. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий, доцент кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.S. Zhdanov, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Language Training and Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation); associate professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 23.09.2021.

The article was accepted for publication 23.09.2021.